

ИНТЕРВЬЮ С АНДРЕЕМ МАКСИМОВЫМ

Максимов Андрей Маркович

Родился в 1959 году. Отец – поэт и драматург Марк Максимов, мама – Антонина Максимова долгое время работала в Союзе писателей.

Окончил факультет журналистики МГУ. Журналист, театральных режиссер, драматург, писатель, радиоведущий, ведущий телевизионных программ.

Телевизионная работа стала основной в телекомпании АТВ. Вел программы «Времечко», «Старая квартира». Сейчас – главный редактор и ведущий программы «Ночной полет» (канал Культура), и ведущий программы «Дежурный по стране с Михаилом Жванецким».

Член Союза журналистов, Союза писателей и Союза театральных деятелей России, член Академии российского телевидения.

Автор тринадцати книг.

Женат, имеет сына.

Интервью брала В.С. Мухина 01.04.2009*

Первый вопрос. Что побудило Вас выбрать путь в искусстве?

А.М. У меня нет никакого пути в искусстве. Я с детства очень любил писать. Мне очень нравился процесс писания. Я писал и писал. С детства, как себя помню.

Потом я начал ставить спектакли. Спектакли я начал ставить потому, что я влюбился в бельгийку, поехал в Брюссель, и остался на некоторое время в городе под названием Гаасс. Этот город на границе Бельгии и Голландии. Мне было там нечего делать, а там были курсы театральных режиссеров. Я на них пошел. Просто от тоски, от нечего делать.

Потом я приехал в Москву. В ту пору я был болен воспалением легких. И тогда я достал «Бориса Годунова», потому что там были очень крупные буквы... И когда я начал читать, я понял, что его ставят совершенно не правильно. Я узнал, что у А.С. Пушкина это произведение называется комедия – «Комедия о настоящей

---

* Работа по расшифровке осуществлялась Л.М. Проценко. Редакционная правка – В.С. Мухиной.

беде государства Российского (московского – не помню)»... А то, что это трагедия – нигде у А.С. Пушкина не написано... Также я выяснил, что В.А. Жуковский вставил в произведение А.С. Пушкина великую реплику «Народ безмолвствует»...

У А.С. Пушкина все кончалось: «Народ, кричите же, да здравствует царь Димитрий Иоанович» – было написано у А.С. Пушкина, а В.А. Жуковский зачеркнул и написал «Народ безмолвствует», тем самым перевернув всю историю.

Я и решил поставить «Бориса Годунова» как комедию. Там очень смешные персонажи и масса всего занятного. Я поставил это в театре Ермоловой как комедию.

После этого меня стали приглашать в разные театры ставить спектакли. Поэтому у меня как бы нет никакого пути. Я при этом продолжал писать, а поскольку мне хотелось ходить в ресторан ЦДЛ и заказывать вкусную еду, то мне пришлось работать журналистом. Литература, понятно, денег не приносит и театр денег не приносит, а журналистика приносит денег больше. То есть я занимался литературой, театром и еще журналистикой.

А потом меня позвали на телевидение – абсолютно случайно.

Я делал программу «Диалоги о любви» на «Эхе Москвы»: приглашал разных людей и мы говорили сугубо про любовь. У меня был колокольчик и, если люди говорили не про любовь, то я звонил в колокольчик... И я позвал однажды Б.Н. Ельцина – был 1996 год. Б.Н. должен был прийти, но он заболел. Надо было срочно найти кого-то, чтобы он пришел вместо Б.Н. Ельцина. А у меня редактором была моя жена – я говорю: «Ищи быстро человека, который днем может быть на телефоне». Артисты все отпадают, потому что их невозможно найти. И она решила звонить людям, которые могут быть днем рядом с телефоном и быть при этом известными – это только телеведущие. Дозвонились Льву Новожену. Л. Новожену пришел на передачу. Все закончилось в 11 вечера. Он меня позвал в ресторан. В ресторане в четыре часа утра Л. Новожену задал два вопроса, которые я помню всю свою жизнь. Первый вопрос звучал так: он спросил у девушки официантки: «Что вы делаете сегодня вечером?». На что официантка сказала «Уже утро». Это я очень хорошо запомнил. А второй вопрос он задал мне: «Не хочу ли я попробовать поработать на телевидении?».

Я решил, что это совершенно американская история, только в кино так бывает – сидят люди в рестора-

не... Я сказал: «Конечно хочу!». И в результате моя телевизионная работа перекрыла все остальное, потому, что когда человек регулярно появляется в кадре, то все, что он делает помимо этого становится менее заметно и менее значимо.

Так что сказать, что у меня есть путь в искусстве...

То есть запишем, что это было спонтанно? Второй вопрос: Как отражаются Ваши лично значимые жизненные ценности в Вашем творчестве?

А.М. Вообще мне кажется, я уверен, что люди, которые занимаются искусством, *работают собой*, другого материала нет. Все, что ты делаешь – ты делаешь из себя.

Мне очень трудно анализировать свои ценности. Мне очень трудно оценивать самого себя, естественно, но я пишу *собой*... То, что получается на бумаге, то что я пишу книжки или то, как я ставлю спектакли – это то какой я есть. Например, я писал, писал романы. Они выходили и выходили. Я ставил спектакли. Однажды я пришел презентовать свой роман на книжную выставку. Меня попросили дать интервью. И меня там спросили как я отношусь к смерти.

Это был замечательный, вопрос. И мы стали говорить про смерть, про любовь. Я увидел, что количество людей, которые пришли послушать про смерть сильно превышает количество людей, которые приходили на презентацию моего романа. Просто сильно очень! Потом пришел охранник, сказал «Выставка закрывается». Я говорю: «Да, мы сейчас уйдем». Смотрю – он не ушел никуда, остался и слушает про смерть.

Я решил написать книжку про самые главные понятия человеческой жизни. Для того, чтобы вот эти самые ценности как-то уже непосредственно выявить.

Я написал книжку, она называется «Многослов». Сейчас будет уже третье издание. Эта книжка издается гораздо активнее, чем другие мои художественные, условно говоря, произведения. В этой книжке эти мои взгляды на жизнь и все мои ценности.

Теперь третий вопрос. Как влияет Ваше творчество на Ваши лично значимые жизненные ценности?

А.М. Помогает в себе разобраться. Потому что мне вообще в себе все интересно – это Вам как ученому виднее – как человек думает. Вот человеку над обдумать что-то. Как он это делает? Он сидит? Вот я не представляю себе картинку, когда человек просто сидит и думает. Так не бывает.

В.М. Он обычно пишет или когда идет ...

А.М. Да. Мне проще думать, когда я пишу. Книжка «Многослов» посвящается двум моим сыновьям. В посвящении написано, что она в общем написана для них, хотя я не буду иметь ничего против, если к этим двум сыновьям присоединится еще кто-нибудь.

Я пытаюсь, когда я пишу или, когда я ставлю спектакли, понять себя через искусство, через то, что я делаю.

Четвертый вопрос. Как Вы можете охарактеризовать современное российское театральное искусство?

А.М. Как катастрофу. Если мы говорим о современном театральном искусстве, то я бы мог характеризовать его состояние как катастрофическое. По одной причине: мне кажется, что катастрофа – это, когда смысл какого-то дела перестает быть смыслом этого дела, когда у какого-то дела начинается совершенно новый смысл.

Например, литература XIX века – это рассказ о жизни человеческой души. Потом приходят коммунисты и оказывается, что литература – это то, что поддерживает строй. Меняется задача и литература начинает погибать. Но все равно в результате, когда заканчивается XX век, оказывается, что все великие писатели XX века – это те, которых не признавала советская власть. Они и остались: А.П. Платонов, Б.К. Зайцев, М.А. Булгаков.

Мне кажется, что сегодня в театре поменялся смысл театрального искусства. К.С. Станиславский говорил: «Театр – это живая жизнь человеческого духа». Смысл театра: ты смотришь на сцене другого человека, начинаешь его любить, начинаешь ему сопереживать, любя и сопереживая этому человеку, ты начинаешь что-то понимать про себя. Мне всегда казалось, что театр – это вот это. Когда я смотрю спектакль, где вообще нет живых людей, но зато есть какие-нибудь потрясающие режиссерские придумки или какой-нибудь монолог маньяка, который читает замечательная актриса, про то, что маньяк рассуждает: съесть ему женщину, которая его любит, или не съесть. Я не могу сопереживать маньяку. Как бы гениально не делала это все актриса, я сопереживать этому не могу.

Но мне кажется, я надеюсь, что это все закончится. Потому что так не может быть. Потому что если так будет дальше, то театр просто погибнет. Он не погибнет, он станет чем-то другим. Хотя, даже в этой ситуации есть спектакли, в которых совершенно все невероятно.

Я поставил спектакль в «Школе современной пьесы», у меня играет актер Владимир Носик. Он меня позвал посмотреть «Власть тьмы». В. Носику 62 года. Пожилой артист меня зовет... Я шел с ужасом. Я думал, что Толстой, Малый театр, постановка Юрия Соломина, я сдохну через пять минут. И в конце спектакля я обнаружил себя практически рыдающим. Я до такой степени проникся всем происходящим, и со мной сидел огромный зал Малого театра, он сидел мертво и только носом люди хмыкали... Я подумал, что Л.Н. Толстой был очень хороший писатель, просто удивительно. Это невероятный текст. И тут же после этого я пошел в театр Станиславского, где режиссер Галибин поставил «Аварию» Дюрренматта и у меня было такое же потрясающее ощущение: на маленькой сцене, мало народу и совсем другой язык, но спектаклю такой же потрясающий. Пока такие спектакли есть – театр жив. Как только новые формы начинают самодавлеюще давить, все погибает.

Пятый вопрос. Как Вы можете охарактеризовать современное европейское и азиатское искусство?

А.М. Я не знаю. Более того, европейский театр я видел – он сюда приезжал, но это не дает возможности широко на все посмотреть. Что касается азиатского театра – я его не знаю вообще. Единственное у меня впечатление от азиатского театра – это театр Кабуки и разговор с человеком, который руководил театром Кабуки. Он работал 70 лет из своих 75 в этом театре. Он у меня был на эфире «Ночного полета». Самое сильное впечатление было у меня от того, как он ответил на вопрос «Вы работаете в театре Кабуки 70 лет. Как часто опаздывают артисты на репетицию?». Он говорит: «Почему опаздывают?». И я понял, что он не понимает вопроса. Человек, который 70 лет проработал в театре, не понимает о чем я его спросил. Это меня очень впечатлило!

Шестой вопрос. Какую часть своей личности Вы отдаете своему творчеству как режиссер?

А.М. Всю. Ты же работаешь собой, ты как бы кисть. Когда кисть рисует картину – она же целиком погружается в краску..

В.М. Не целиком. Ручка в руках художника.

А.М. Хорошая ремарка. Но, если я кисть в руках Бога, в независимости от того, хорошо ли у меня получается или нет, то наверное, та часть, которую не держит Бог, вот эта часть целиком погружается в краску.

Седьмой вопрос. Насколько Вы открыты своему зрителю и насколько Вы закрыты от него?

А.М. Я думаю, что я открыт ровно в той степени, в которой бывает открыт человек, приходящий в чужую компанию. То есть не в компанию своих друзей, а в компанию милых, приятных, но чужих людей. Это касается всего, в том числе, когда я начал давать очень много интервью, или, например, когда у меня проходят творческие вечера. Завтра, например, у меня будет творческий вечер в Еврейском центре. Я стараюсь быть открытым человеком. Но все равно это не доходит до той степени откровенности, если я в гостях у своего близкого знакомого.

Я стараюсь быть честным и откровенным. Это относится и к телевизионным передачам. Что касается зрителей моих театральных опусов, то мне бы вообще не хотелось, чтобы они меня имели ввиду. Это некоторая театральная история, она не имеет ко мне прямого отношения. Как бы я рассказываю некоторую историю и гораздо больше зрители должны думать про артистов, чем про меня как режиссера. В последнем спектакле «Любовь в раю» в театре «Школа современной пьесы» были разные обстоятельства. Наверное, первый раз в жизни я сделал исповедальную вещь. Часть людей это воспринимает как исповедь, а другая часть нет – воспринимает как некоторую театральную историю.

Восьмой вопрос. Насколько Вы человек публичный? Насколько Вы человек внутренний?

А.М. Мне кажется здесь нет противопоставления. Я не думаю, что внутреннее – это антоним публичному. Как всякий человек, который появляется на телеэкране, я человек публичный. В свое время, в Юрмале был юбилей М. Задорнова и там был Н.С. Михалков, была компания «Аншлага» и я.

Выбирая между «Аншлагом» и мной, Н.С. Михалков предпочел меня. Не потому, что я такой замечательный, а потому, что у него не было выбора. Мы с ним тогда очень общались. К нему все время подходили разные люди и начинали рассказывать какие-то свои истории. Он всех выслушивал. Мне говорит: «Понимаешь какая история. Если тебя человек знает, то он уверен, что ты его тоже знаешь». Это такая психологическая вещь, я это тоже на себе испытываю. Это очень хорошо. Второй урок, который мне преподавал Никита Сергеевич, это когда мы сидели в ресторане на свежем воздухе.

Сидели Н.С. Михалков, я и одна эстрадная звезда. Подошла девочка, попросила автограф сначала у Н.С. Михалкова, потом у меня, потом у эстрадной звезды. Н.С. Михалков расписался, я расписался, а эстрадная звезда сказала, чтобы ей не мешали есть... Н.С. Михалков стал на эту звезду так орать... Он говорил (если оставить цензурную часть этого текста) примерно так: «Ты сволочь ради этого все делаешь. Ты, гадина, все делаешь ради того, чтобы тебя узнавали люди. А теперь почему так себя ведешь?».

Ты выбираешь свой путь. Ты хочешь быть публичным человеком. Ты вынужден быть публичным человеком. К этому надо относиться спокойно и с радостью. Ведь я очень хотел быть популярным. Я хотел, чтобы у меня брали автографы и когда ты в какой-то степени этого добиваешься, то не надо делать вид, что ты от этого устал. Раз ты хотел этого, ты это получил. Это с одной стороны. С другой стороны есть большая часть внутренней жизни, которая происходит дома, которая происходит с близкими друзьями, и это такой мой мир, в который допускаются самые близкие, самые дорогие люди, которые про меня знают и которые знают меня таким, каков я есть на самом деле. А на самом деле я совсем не таков, каким меня видят посторонние.

Я езжу со своими романами по разным городам страны и в одном городе, по-моему в Туле, ко мне подходит журналистка и говорит: «Вы для меня пример человека, у которого все получилось в жизни. Как так вышло, что у Вас все получилось?». Вот у меня дилемма: либо ей честно отвечать на вопрос, что я совершенно так не ощущаю свою жизнь, либо ее не разочаровывать, рассказывать ей как у меня это получилось. Хотя на самом деле у меня совершенно нет такого ощущения и более того, у меня есть ощущение, что у меня ничего не вышло.

Девятый вопрос. Насколько Вы идентифицируете своего героя с самим собой? Насколько Вы отчуждаете свое творчество, своего героя от самого себя?

А.М. Это каждый раз по-разному. В зависимости от того, что конкретно я пишу, что конкретно я ставлю. Первый мой роман – там главного героя зовут Игорь Маркович. А меня зовут Андрей Маркович. Таким образом я прозрачно намекал читателю, что у меня с моим героем есть очень много общего. Мы не идентичны, но есть общее.

А есть истории, в серии романов про комиссара Гарда, который на машине времени летает в прошлые

века для того, чтобы узнать как тогда относились к Богу. Например, как относились к Богу в средневековье и почему стали возможны войны, почему так любили дьявола. Вот этот герой совершенно на меня не похож. Он гораздо сильнее физически и разумнее, умнее чем я.

У меня нет такой исповедальности, чтобы я мог сказать как Гюстав Флобер «Мадам Бовари – это я». Такого у меня нет. У меня нет такого отношения с моим героем. Или просто такого я не написал.

Более того, тот человек, который берет интервью в телевидении, который выглядит совершенно так же как я, который ходит в той же одежде по улице, разговаривает также, имеет тот же самый голос – это не я. Тот я, которым меня видят близкие друзья и дома, тот я, которым меня видят в телевизоре – это разные люди.

В.М. Все равно это Вы.

А.М. Какая-то часть – да.

Десятый вопрос. О каких постановках и ролях Вы мечтаете? Каковы их феноменологические особенности?

А.М. Я мечтаю об одной постановке и в связи с тем, что я не могу ее осуществить, я перестал заниматься театром... На некоторое время. Мне стало не интересно. Я хочу поставить Гамлета, чтобы на афише было написано «Борис Пастернак – «Гамлет». Перевод трагедии Шекспира». Мне кажется, это абсолютно русская история и в ней существует некоторый обман, потому что вся история Гамлета – история борьбы за власть, происходящая в некоем непонятном английском государстве, не имеет никакого отношения ни к нам, ни к тому, что делал Б. Пастернак, в то время, когда он это все переводил. Мне кажется, что Б. Пастернак, который постоянно должен был думать над тем, как воспримется то, что он напишет, потом переставал об этом думать, писал «Доктора Живаго» – он переводил Гамлета как исповедальную историю.

И я очень бы хотел все это поставить, но поскольку у меня нет такой возможности...

В.М. Почему нет?

А.М. А нет. Вообще, мои отношения с театром очень сильно усложнились тем, что я поставил где-то 20 спектаклей, и я в какой-то момент понял, что нет никакой перспективы. Я могу поставить не 20, а 25 спектаклей, 30, 100. Это же не перспектива. А перспектива – это качество. Качество должно меняться... Качество должно меняться и должно быть другим, чем сейчас. И поэтому я перестал заниматься театром, занимаюсь им край-

не мало. У меня нет возможности. Вот я делаю спектакль с А. Носиком, и я вижу, что это артист совершенно уникальный, феноменальный, потрясающий и я хочу с ним дальше работать. Я хочу ему дать возможность раскрыть «я». У него есть невероятный, редчайший и для меня лично очень дорогой талант трагикомического актера. Таких актеров очень мало. Таким актером из великих были Евгений Леонов или Инна Чурикова. То есть человек, который может в комическом найти трагедию, а в трагическом – комедию. Или я работал с Юрием Беляевым или с Николаем Расторгуевым – известным певцом. Я хотел бы с ними продолжать дальше работать, но это не возможно. Или это требует каких-то невероятных подвижек, которые мне просто не под силу, так как я, по сути своей, не менеджер.

Поэтому я решил остановить процесс.

В.М. А Вы грустите по этому поводу?

А.М. Да. Я иногда грущу, иногда нет. Но у меня еще есть идеи, совсем не понятные. Например, я хочу поставить одну пьесу Альберта Камю, но она не кассовая. Я хочу написать пьесу, поставить спектакль по одной своей идее, но это все мечты. Если я чего-нибудь хочу на самом деле – я добиваюсь этого. Раз я этого не добиваюсь, значит я не очень сильно хочу.

В.М. А какую пьесу А. Камю?

А.М. «Недоразумение». Это пьеса про то, как живут мама и дочка и у них есть гостиница, они убивают людей, которые к ним приходят. Дочь говорит: «Мама, давай завяжем, вот последний человек придет и мы его убьем. А больше не будем этого делать».

Они договариваются, что это будет последний человек. А приходит их сын и брат, который давно-давно уехал. И вот со своей женой он решил сюрпризом приехать к маме и сестре. Они хотят убить его не потому, что они сволочи, а потому, что им нужны деньги. Он решает прийти и принести им деньги, чтобы они жили счастливо...

Пьеса была напечатана в журнале «Современная драматургия». Но эта пьеса абсолютно не кассовая. Такая сложная психологическая история...

Одиннадцатый вопрос. Насколько Ваши герои уподоблены Вашим сущностным особенностям, Вашей личности? Можно ли говорить о единстве автобиографической и художественной ипостасей?

А.М. Я думаю, что в целом герои любых произведений – либо уподоблены своему автору, либо уподоблены его какой-то мечте: он бы хотел бы быть таким. Мне

кажется такое даже очень часто бывает. Я, например, знал одного писателя-драматурга Иосифа Григорьевича Ольшанского. Он совсем не умел писать отрицательных персонажей. Был такой фильм «Хозяйка детского дома», в котором Наталья Гундарева играла. Там у него не было плохих людей. Он сам был очень хороший. Он не мог представить каким образом человек становится подонком.

Я про себя так не могу сказать. У меня очень много отрицательных персонажей (смеется): противных, мерзких и так далее. Вообще мне кажется, что если говорить об ипостаси писательской, а не режиссерской, то мне кажется, что любой писатель занимается исследованием самого себя. И больше ничем он не занимается. Но если это писатель, а не человек, который зарабатывает деньги литературой.
